

К СТОЛЕТИЮ МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ СВЯТОЙ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Столетие мученической кончины Царской семьи снова побуждает к осмыслению их христианского подвига, промыслительного значения всей жизни Царственных страстотерпцев в осуществлении ими святорусского идеала святости. Святость — это качество Церкви и характеристика пути спасения как очищения и восприятия Божественной благодати. Благодатное познание Бога совершается в таинстве Церкви, где Церковь земная соединяется с небесной, потому апостол Петр именует всех христиан святыми, свидетельствуя о призвании к совершенству богопознания каждого христианина: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет» (1 Петр 2. 9).

Христианское отношение к святым — это любовь к Божественному совершенству, к Богу и человеку; именно в любви создается Церковь как Тело Христово, «снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух» (Еф 4. 2–4), — так создается преемственность Духа, в Котором есть и преемственность Предания. «Бог от начала, через освящение Духа и веру истине, избрал вас ко спасению, к которому и призвал вас благовествованием нашим, для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа. Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес 2. 13–14).

Взыскание спасительного Предания внутренне обращает к наследию святых, к рассмотрению точных духовных оснований, духовной истории, как сказал в одном из псалмов царь Давид: «Помянух дни древния» (Пс 142). Для Псалмопевца таким незыблемым основанием является Священная история Завета, установленного Богом единства с богоизбранным народом.

Очевидная беспомощность современности в определении духовного смысла заставляет нас преодолеть ее границы, двигаться в доступную глубину. Если мы простираемся за пределы XX в., рассматриваем русскую историю в целостности и пытаемся извлечь ее глубинный смысл, русскую историософию — то есть глубинный смысл истории, то неизбежно прозвучит, казалось бы, хорошо знакомое — Русь Святая. И вот здесь приходится быть поневоле осторожным: настолько общепотребительно и знакомо это определение, что может выглядеть частью древнего мифа, идеологией древнего государства, красивой билибинской картинкой или даже малосодержательным для нынешнего времени интеллектуальным штампом. Но она не осознается явлением исторической реальности, по меньшей мере потому, что утрачена, если когда-либо и существовала.

Встает вопрос, а возможно ли увидеть идеал Святой Руси как реальность русской истории, настолько она противоречива в человеческих проявлениях вражды, междоусобиц, раздора, доходящего до самого предела в смутах и революции? Но идеал Святой Руси прежде всего означает, что религиозное понимание действительности является главным и естественным в жизни народа, и к тому же наследственно историческим. Поэтому природное человеческое несовершенство преодолевается совместным действием внутреннего обновления, и самым очевидным примером является преодоление Смуты начала XVII века, основой которого стало народное покаяние, то есть непосредственно религиозное действие.

Религиозная историософия оказывается преобладающей для русского общества, в котором тело Церкви и тело народа совпадают, и государство в своих законах и действиях постулирует христианское начало своей организации. Тогда горизонталь исторической перспективы оживотворяется вертикалью духовного смысла, именно тогда история становится подлинной, то есть соответствующей истинному и единому смыслу существования, и не подвергается сомнению, потому как этот смысл от высшего Блага и Истины, Которое есть Бог.

Таким образом страстное несовершенство, эгоизм человеческой истории преодолевается в церковной общности подлинного религиозного опыта, основанного на непосредственности Божественного Откровения, в духовно-мистическом и внешне-каноническом единстве богочеловеческого организма Церкви.

В религиозной историософии человеческая история приобретает всемирно-историческое измерение единого замысла — от Адама до скончания мира. Если от Адама, тогда в начале мира не хаос древних мифологий, не скептический отказ от вопрошания (вспомним вопрос Пилата «что есть истина?»), не материалистическая загадка самопорождающейся материи или просто бытовое умолчание. А в начале мира сама Истина, Красота и Благо, первозданный совершенный мир и совершенный человек, открытый нам в самой главной характеристике его существования — как образ и подобие Божие. Тогда становится понятен источник несовершенства, источник тления — злая, поврежденная воля, отвращение от Бога.

Человек должен быть спасен таким же образом, как он пал, и в этом тайна человеческой свободы и спасительная тайна Боговоплощения, к которой устремлена ветхозаветная история. За тысячелетним становлением царств, исторических эпох виден единый смысл — движение ветхозаветной Церкви в истории к началу нового времени, к Новому Завету, всеобщности проповеди которого служит единство Римской империи.

Церковь новозаветная составляет мистическое единство Тела Христова, духовно-практическую реальность, но она имеет и конкретно-историческое осуществление. Такое осуществление мы видим в естественном, органическом росте Церкви, в ее движении от катакомб, гонений первых веков к имперскому идеалу симфонии, то есть согласному единству внешней государственно-общественной организации и тела Церкви в осуществлении религиозной цели спасения.

Вопрос о возможности осуществления симфонического идеала может быть разрешен через понимание возможности осуществления евангельского идеала вообще для падшего человека. Казалось бы, он не может быть осуществлен, но необходимо осуществляется в Церкви для каждого человека в высоте евангельского призвания — «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5. 48).

В X в. Русь, принимая Крещение, приобретает и полноту византийского наследства. Протоиерей Иоанн Мейендорф говорит о восприятии на Руси трех основных элементов, определяющих жизнь византийского общества: римской политической традиции, греческого литературного наследия и православной христианской веры¹.

Римская политическая традиция передается в наследовании имперской идеологии, первоначально в восприятии идеи главенства византийского императора над всем христианским миром, а затем и в восприятии державы главы православного мира Московским царством в идее Третьего Рима. Византийское православие к концу первого тысячелетия находилось в высшей форме своего развития: победой православия закончились иконоборческие споры; вероучение понятийно оформлено Вселенскими Соборами и систематически изложено в писаниях отцов; монашеская традиция открыта в своей мистической глубине и совершенно устроена в Студийском общежительном уставе; богослужение сложилось в уставной организации и литургической системе. Также разнообразно и широко было пространство греческой письменности, возможной к славянскому переводу. Все торжествующее богатство православия оказалось открыто для просвещения славянских народов.

Восприятие православия на Руси было искренним и глубоким, о чем свидетельствует история русской святости с самого начала бытия Русской Церкви. Все виды христианского подвига выражены в мученичестве Бориса и Глеба, начале монашества в Киево-Печерской обители, добродетели святых князей отражены в первых произведениях древнерусской литературы. При этом русская религиозная традиция никогда не являлась просто подражательной и отчетливо проявляет свою самобытность, которая вскоре оформляется если не в виде развитого книжного богословия, то в творческом проявлении монашеского духа Северной Фиваиды; оригинальном церковном искусстве, не имеющем образцов в искусстве византийском: русском храмовом зодчестве, иконописи, распеве и многих других проявлениях церковной жизни.

Этапы русской истории — Киевская Русь, Московское царство, императорская Россия Петербурга; каждый из периодов имеет свои особенности, но непреходящими остаются один смысл и одна историософия — религиозная. Революционный взрыв начала XX в. представляет

¹ Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь. М.: ПСТГУ, 2003. С. 6.

перед нами совсем другой идеал — человекобожия, победы человеческого разума и силы воли над несовершенством природы и истории, в которой уже нет места вере и Церкви, нет места Богу.

Борьба против Церкви была борьбой не политической, как это представлялось советской властью, а идеологической, при том борьбой не на жизнь, а на смерть, потому как речь шла о чрезвычайно важном и главном. Кто вершит историю, для чего — Бог или человек?

Что могла противопоставить Церковь богоборческому насилию — свидетельство своей правды, которая совершилась в мученичестве. В новомучениках, свидетелях Церкви нам открыта верность Церкви, преданность религиозному идеалу, высшему началу, которое преодолевает все, даже смерть. Ведь каждый мученик это исповедник истины Христовой, свидетель того, что Бог есть, что Он любит и спасает человека, что у нас в жизни есть высшая и добрая цель — полюбить Бога и ближнего. Что у нас есть Церковь, Церковь земная, единая с небесной, и если у Бога все живы, тогда мы действительно соединены с теми, кто жил прежде нас.

И наконец, в понимании их выбора перед нами открывается осмысленное пространство русской истории, то есть пространство Святой Руси. В понимании выбора новомучеников, свидетельстве победы правды Божией над правдой мира, мы можем увидеть реальность религиозного идеала, и это дар Божий, возможность преодоления совершившегося исторического разрыва. Если мы спросим, а где христиане, — то вот они.

Среди великого множества святых перед нами предстают и святые Царственные страстотерпцы — святая Царская семья, в которой явлены все черты русской святости. Они даны для нас не только в духовной близости, но и в близости документально-исторической, самом разнообразном свидетельстве об их жизни, доступном нашим современникам.

Когда преодолевается установившаяся клевета, то мы видим, что каждый из них был искренне верующим и духовно образованным человеком, понимающим, как строить христианскую жизнь, — это пример личной святости. Мы называем Царскую семью святой не только по их мученичеству, но и по той любви, которую они имели друг к другу, показывая нам пример удивительной христианской семьи, очаровывающей в своей искренней любовной простоте. И наконец, в последнем русском государе нам представлен образ христианской власти в ее личностном измерении.

Прот. Николай Малета, А. В. Разин

Это и есть осуществление святорусского идеала: личная святость; христианская семья, созидаемая любовью, — малая Церковь, и, наконец, единство народа в христианском царстве, во главе с помазанником Божиим, в личности которого дано иное к миру, христианское измерение власти.

В обращении к Царственным страстотерпцам происходит восстановление разорванной духовной и исторической ткани русской истории, вхождение в Предание Церкви, соединение небесного и земного. Христианский подвиг святых новомучеников является промыслительным даром Божиим для нас, современных христиан, но этот дар совершается тогда, когда он воспринимается, когда добродетель святых становится энергией нашего покаяния.

Прот. Николай Малета, А. В. Разин